

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Анастасия МАШЕВСКАЯ

КЛИНОК БОГИНИ,
ГОСТЬ И РАБ

Роман

Москва, 2017
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М38

Серия основана в 2004 году
Выпуск 657

Художник
И. Воронин

Машевская А.

М38 Клинок Богини, гость и раб: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 407 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2515-0

Говорят, где-то в Великом море стоит Багровый храм. Там верят, что все люди рождаются в крови и умирают — в крови. Там или исчезают бесследно, или превращаются в орудие Матери Сумерек. В Багровый храм могут войти только трое — Клинок Богини, гость и раб. И в Багровом храме можно встретить три силы — дружбу, любовь и смерть.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Анастасия Машевская, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2515-0

Если ты носишь мой дар, значит, ты мой. Наиболее предпочтительный любовный подарок — это кольцо: тот, кто его дарит, хорошо знает, чего он хочет, и тому, кто его принимает, тоже следует знать, чего от него хотят, и помнить, что любое кольцо является видимым звеном невидимой цепи.

Томас Манн. Иосиф и его братья

Детство Томирис прошло под звон мечей.

Булат Жандарбеков. Томирис

ГЛАВА 1

Далеко на северо-западе Этана раскинулся Пурпурный та-наар Яввúзов. Один из двенадцати защитников Яса, громадной державы мореходов, тан Сабíр Яввуз по прозвищу Сви-репый унаследовал свой надел восемь лет назад. Как и всякий ребенок из семьи танов, он не мог избрать в жизни иного пути, кроме сражений.

Чертог Яввузов, расположенный на вершине одного из холмов-отрогов Астахирского хребта, был огромен: крепостные стены из черного гладкого камня восьмиметровой высоты достигали почти четырех метров в толщину. Двенадцать округлых башен возвышались над природной насыпью почти на сорок метров, донжон — еще выше, а в диаметре знаменитая неприступная обитель Сабира Свирепого составляла тридцать метров. Между цитаделью и стенами раскинулся город с бесчисленными караулками, складами, оружейными, кузницами, охотничьими и рыболовецкими домами, промышлявшими сбытом дичи и морского урожая, рынками, амбарами с выращенными на окрестных малопродуктивных полях пшеницей, ячменем и овсом; гончарными мастерскими, глину для которых доставляли из наделов одного из знаменосцев Яввузов, и много чего еще. С западной стороны донжона стоял местный храм Двуединства, где поклонялись Праматери-Иллане и Ее Достойному Брату-Владыке-Вод Акабу. Здесь же, рядом с храмом, находился семейный склеп пурпурных танов, а за ним, у северо-западных куртин, военная академия для обучения воинской элиты и командиров. За этой частью сте-

ны, почти в недосыгаемом для врагов месте, находились осадные мастерские.

Загоны для выпаса скота и пастбища для лошадей оставались за пределами стен, хотя танские конюшни были в пределах города.

С восточной стороны цитадели внутри крепостных стен располагались легендарные на всем севере и во всей стране псарни с породой собак, выведенной от скрещивания волкодавов и волков. И по сей день раз в пять лет устраивалась грандиозная охота на волчью стаю с целью захватить молодняк и обогатить его кровью следующее поколение танаарских псов. Загоны для выведения такой породы были раскиданы в каждом из близлежащих к чертогу поселений — рослые мохнатые псы являлись отличным подспорьем против любого врага, а об их преданности и речи не шло. Недаром ведь столетия назад танский дом Яввузов выбрал своим гербом именно черного красноглазого волка посреди пурпурного полотнища. До сих пор хранит народная память предания о собаках, провожающих человека в залы Старухи-Нанданы-Смерти. Согласно легенде, четырехглазые псы с рубиновыми зрачками указывали умершему дорогу по крайним северным тропам, среди воющих ветров, в мир «по ту сторону».

С северо-восточной стороны крепости куртина отсутствовала — две смежные башни практически врезались в утес, с которого с диким грохотом срывались валы ледяной реки Тархи. Опасная, с десятками порогов, Тарха пересекала город с восточной стороны и с шумом несла осколки горных пород по скалистым отрогам, пока, наконец, петля голубой лентой, не терялась в лугах. Где-то дальше, на юго-востоке Тарха впадала в реку Ашир, протекавшую во владениях соседа тана Маатхаса. По притокам полноводной, богатой рыбой Тархи на северо-востоке своих земель Яввузы выходили в Северное море.

До самого подножия Астахирских гор (включая сам хребет) тянулись селения суровых северян. Закаленные тяжелой борьбой с немилосердной природой и нещадным трудом в добывающих рудниках, возвращенные у основания или в разлогах белоголовых астахирских круч, горцы — и мужчины, и женщины — следовали за силой и традицией, которые сами хранили пуще всех танаарских домов.

От чертога Яввузов каштаново-снежной змеей стекала тропа по склону отрога. В теплое время года по обе стороны от нее стелились луга подснежников, весенников и «славы снегов», а в мае-июне добавлялись фиолетово-синие пятна ирисов. За ними возвышались тяжелые хвойные леса халцедонового цвета, а немного южнее — смешанные. В этих землях располагались города и поселения, принадлежавшие непосредственно Яввузам и управляемые местными «законоведами» — лаванами, стоящими на следующей ступени в иерархии Яса после танов. Дальше лежали владения знаменосцев из числа тех же лаванов, представителей боковых ветвей и дальних родственников клана. И каждый из них знал, как грозен бывает тан Сабир Яввуз, когда, согласно девизу рода, оголяет оскал.

У белокурого и сероглазого тана Сабира было все: самый крупный в стране танаар, расположенный в сердце, кажется, бескрайнего севера; укрепленный чертог, военная академия для обучения офицеров, великолепная личная гвардия, преданные люди, верные братья-ахтанаты, хорошие отношения с соседями, сорокатысячное войско, добродетельная жена и даже любимый сын. Одного не было у него — законного наследника, ибо десятилетнего Рўссу, в котором Сабир души не чаял, родила дочь каменщика Рут. Богиня-Мать и Отец-Владыка-Вод Акаб не послали ему сестер, так что к этому времени Рут стала единственной женщиной, которую тан когда-либо любил, если не считать его собственной матери. Вдовствующая танша не ограничивала сына ни в его привязанности к простолюдинке, ни в иных утехах. Но вот минул год, как Сабир сел в танское кресло, потом второй, третий... Когда минуло шесть лет правления Сабира Грозного, мать настояла — женись. И, почтительный к воле родившей его женщины, Сабир женился на той, кого она посоветовала, — невысокой миловидной танин Эда́не Ниита́с, дочери Сири-невого танаара.

Вопреки сложившейся традиции, женившись, тан Сабир так и не обжился бесчисленным множеством так называемых водных жен, дети которых признавались законными, но лишались права на наследство. Поэтому Эдана Ниитас, его земная

жена, не имела соперниц, ибо дочь каменщика Рут скончалась от лихорадки за три месяца до свадьбы тана Сабира.

Яввуз относился к супруге уважительно — как-никак, только земную жену можно выбрать среди равного тебе сословия. Но уважать можно и врага — Сабир Свирепый знал не понаслышке. Жену же положено любить.

Он не любил Эдану Ниитас ни капли и не скрывал этого от всего Пурпурного танаара. Возможно, если бы она родила ему сына, он сумел бы проникнуться к ней приязнью, нередко размышлял тан два года спустя, наблюдая за женой, вынашивающей его ребенка. Вместе с тем Сабир боялся признаться себе, что, если Эдана родит ему законного первенца, этот ребенок станет главным соперником, а с годами, возможно, и врагом его Руссе. Да разве он сам одинаково относился бы к родным братьям и к братьям-бастардам, если бы они у него были? Нет... Сабир боялся, что, супротив отцовскому чувству, может возненавидеть и супругу, и родившегося ребенка, если это будет мальчик. И почему в свое время он не мог жениться на Рут?..

Восемь лет минуло с того дня, как Сабир занял кресло отца, и теперь он сидел в неприступном чертоге Яввузов, сцепив в замок упертые в колени руки. За закрытой дверью ближайшей комнаты рожала его жена.

Он упирался лбом в сплетенные пальцы и напряженно ждал. Здесь, у покоя Эданы Ниитас, как велел обычай: коль уж Владыка-Вод Акаб не мог воспроизводить жизнь сам, он всегда из уважения к Сестре-Жене Богине берег Ее покой, когда она создавала мир суши и неба.

Вдовствующая тану Бануни, мать Сабира, стояла рядом. Мучительные часы тянулись и тянулись...

Наконец раздался тонкий плач, и одна из повитух отворила дверь. Сабир почти не поменял позы, только оторвался от рук и повернул лицо к женщине.

— Кто? — спросил напряженно, вцепившись в ее лицо твердым и прямым взглядом.

— Девочка, тан.

Бануни ждала, что ответит ее сын, но Сабир молчал и молчал.

— Сынок? — осторожно спросила танша.

Сабир Грозный сипло, с облегчением, выдохнул, ощущая, как наконец сужается могучая грудная клетка, и опустил голо-

ву на руки. Закрыв на мгновение лицо ладонями, потом поднялся, выпрямившись во весь свой недюжинный рост, и сказал:

— Стало быть, дочка, — обернулся к матери. — Девочка, мам! — сказал совсем по-мальчишески.

Бануни мягко улыбнулась. Что ж, такова воля Праматери, думала она. В свое время танша произвела на свет трех сыновей, но так и не получила желанной малышки.

— Пойдем посмотрим.

Повитуха отворила им дверь, пропуская вперед и кланяясь.

Когда Сабир впервые взял девочку на руки, невольная улыбка расплылась по суровому лицу.

— Спасибо, — сказал он жене, даже не взглянув на Эдану.

— Как ты назовешь ее? — спросила Бануни. В целом у северян из Пурпурного танаара сложилась своя, совершенно особая традиция наречения детей — окончание имени ребенка должно было полностью совпадать с началом имени отца, а нередко имя и вовсе целиком собиралось из двух «родительских» начал. Поэтому выбор у Сабира был небольшим.

Тан посмотрел на мать.

— Бансабира, — выговорил он ясно и передал девочку своей матери.

Через несколько дней состоялось освящение ребенка в вере Матери Илланы и Отца Акаба, и Сабир сам держал девочку весь обряд. Когда настало время в знак новой жизни полить ее теплой водой, Сабир вытащил дочь из пеленок. Впервые он увидел ее без одежды и сразу приметил на алебастровой коже крохи еще более светлое, почти неестественно белое пятно на левом бедре. Отметина походила на след от стрелы. Тан знал: подобный знак на теле ребенка означает, что из прошлой жизни он ушел не своей смертью, — пятно всегда соответствует месту, куда была нанесена смертельная рана.

«Должно быть, копьё, — подумал тан, глядя на маленькое существо в руках. — Это к лучшему, будет воительницей».

Где-то вокруг раздалось обрядовое троекратное «Пусть!». Будто поняв, о чем подумал отец, девочка посмотрела прямо на Сабира светло-зелеными глазками и улыбнулась, оголив розовые десны. В груди тана, под камнем, что-то дрогнуло.

Праздничные гуляния с играми и состязаниями, устроенные Сабиром по случаю рождения дочери, сменил угар пышных похорон. В семейный склеп опустили омытое и умасленное тело Бануни Яввуз, а на мраморной могильной плите — как делалось для всех погребенных здесь Яввузов — из волчьих клыков выложили голову хищника, которую тан по обряду полил красным вином.

Если у глубоко опечаленного Сабира была жена, которая, несмотря на агрессию мужа, помогала ему бороться с болью потери, то десятилетнего Руссу не утешал никто. И потому с кончиной бабушки в его жизни не осталось никаких других женщин и девочек, кроме новорожденной сестры. Он еще не знал, что такое «бастард», и не ведал, что не стать ему со временем таном вместо отца. Но уже тогда ясно понимал: они с Бансабирой одной крови.

Детство Бансабиры прошло под звон мечей — иначе и не могло быть в семье танов. Отец, брат, трое дядей, четверо кузенов, половина всех домашних мастеров по оружию, кораблям и лошадям — наставников маленькой Бану хватало, и девочка с радостью и готовностью постигала предложенный ей мир.

Когда Бансабире было три, отец приставил к ней личного охранника Дувала, чей сын Радú был приятелем Руссы. В их компании Бансабире и довелось единожды на своем веку застать Парад Планет. Было ли это связано с тем, что парад пришелся на срок Заклинателя Змей, неизвестно, но небо в тот день отливало густой зеленью. Правда, Бансабира никогда не смыслила в знаках, и уж тем более — в три года.

Когда девочке исполнилось четыре, Сабир подобрал ей учителя письма, чтения и исчисления. К этому времени мать Бану Эдана уже дважды зачинала, но выносить плод до надлежащего срока не смогла. А Сабира, кажется, и не беспокоило, что его наследник — девочка. Налицо в Ясе еще примеры, когда женщина стоит во главе танаара, и военная мощь этих наделов такова, что соседи остерегаются спорить с их хозяйками. Да и память северян хранит недалекое прошлое, когда женщина полноправно стояла во главе царства, не то что во главе танаара.

В пять лет Бансабира уже бесстрашно вскарабкивалась на самую норовистую лошадь и, цепляясь за гриву, как клещ, рас-

секала округу. Русса и Дувал всегда держались рядом. Хотя нередко бастард приходил к сестре во время какого-нибудь урока, забирал девочку, несмотря на протесты учителя, и, оседлав одну лошадь на двоих, увозил в холмы — любоваться снежным одеялом на скалистых отрогах или ранним цветением «славы снегов», покрывающей склоны вершины, на которой располагался фамильный чертог Яввузов...

В шесть впервые взяла в руку тяжелый короткий меч. И за считанные недели тренировок лицо ее преобразилось — теперь, стоило обычно веселой девочке ухватиться за оружие, светлые бровки сходились над переносицей, глазки становились грозными. Попервости очень уж потешным казалось это выражение на детском личике тану Сабиру, взявшемуся самостоятельно учить дочь. Но с тех пор как она впервые в пылу тренировочной схватки гневно крикнула отцу «Не смейся!» и заплакала, Сабир стал относиться к Бану еще серьезнее.

— Я никогда не посмеюсь над тобой, — пообещал он тогда и поцеловал в лоб.

Еще через полгода впервые не удержал собственную руку и случайно задел девочку клинком. В ужасе отпрянул тан Сабир от ребенка, который не понимал, почему папа остановился. Мужчина выронил меч, упал на колени и сгреб дочку.

После следующего поединка они сидели рядом и уже вместе, смеясь, подсчитывали царапины...

В семь впервые вышла в море на корабле брата. Семнадцатилетний Русса стал совсем взрослым. Рослый, крепкий, он был истинным северянином. В отличие от белокурой Бану, пошедшей по роду отца, Русса унаследовал черную выющую гриву матери Рут. По примеру Сабира он тоже учил Бану владеть оружием, избрав для упражнения лук. Чем старше юноша становился, тем больше было у него поводов ревновать Сабира, как шептались некоторые. Русса знал эти сплетни и нередко думал: да, он мог бы ревновать отца к Бану, если бы Бану была мальчиком. Но сестра была сестрой, а он, Русса, к этому времени уже слишком хорошо понимал, что значит «бастард».

Сабир назначил второго из своих младших братьев, Тахб́ира, защитником крепости Сулавва́х на юго-восточных рубежах Пурпурного танаара. В конце июня того года, когда Бансабире было семь, там собрался весь многочисленный

клан Яввузов с несколькими охранниками — больше тридцати человек. Даже самый младший из четырех братьев, Дотно-Ранбир, прибыл сюда из Гавани Теней, столицы Яса, где, согласно закону, представлял свой род. И вовсе не от излишка времени и любопытства — посмотреть на работу Тахбира — собрались они здесь, а для того, чтобы стать свидетелями его бракосочетания с танин Маатхас, племянницей тана Махрана Маатхаса, защитника соседнего Лазурного танаара. Надел Маатхаса, одного из трех северных танов, располагался на северо-востоке страны. Сам тан не смог приехать на торжество, отправив сына — двадцатидвухлетнего темноволосого ахтана-та Сагромаха с самыми смешливыми глазами из всех.

Дочь второго сына выходила за третьего сына — незамысловатое подспорье и без того негласному союзу северян. Три северных клана — Яввузы, Маатхасы и Каамалы — всегда поддерживали друг друга, особенно с тех пор как почти сотню лет назад последними вошли в состав великодержавного Яса и по сей день, к недовольству его правительства, находились на особом положении...

Свадьба удалась на славу. Гуляли шесть дней. Дозорные проспали...

С того дня как север стал частью Яса, таны Шауты, Алый дом, умерили свой воинственный пыл в нападках на Маатхасов за владение рекой Ашир и торговыми возможностями, которые она давала. А теперь принялись за старое. Вбили себе в головы, что правители Яса — раман и раману — на их стороне.

Шауты ударили по ближайшему к границе двух северян укреплению. Расположенный там отряд погиб почти полностью — уцелели лишь отправленные еще до начала схватки вестники. Когда гонец из атакованного гарнизона прибыл с сообщением, все Маатхасы протрезвели вмиг. Моментально развернули деятельность по организации и сбору войск. Близлежащим отрядам Яввузов Сабир приказал тоже немедленно выступать в сторону Лазурного танаара. Разослав вестников своим знаменосцам, Сабир дал Маатхасу слово помочь в войне. В намерении лично оценить ситуацию и переговорить с таном Махраном Сабир решил дождаться выделенных им подкреплений и во главе них отправиться вслед за Сагромахом. Но в

первую очередь, едва доставили депешу, Сабир отослал обратно в фамильный чертог жену, детей и невестку — новоиспеченную жену Тахбира. Лидером отряда назначил Руссу. Дувал, как охранник семилетней танин Бансабиры, поехал с ними.

— Русса, — сказал Сабир в напутствие, — ты должен выжить и уберечь сестру, понял?

Бастард кивнул.

— Дай слово.

— Клянусь.

Тан ударил коня сына по крупу. Заскрипели повозки, везущие дам и маленькую девочку.

На этих тянущихся скачках настояла Эдана Ниитас — Бану еще слишком маленькая, чтобы проделать такой громадный путь верхом. Не по силам детскому организму, к тому же девочке... Напрасно спорил с ней Сабир, отправляя в путь. И уж совсем бессмысленны были уговоры Руссы:

— Еще бастард не учил меня, как быть! — высокомерно отвергала женщина все его доводы.

Вражеский летучий отряд нагнал их через два дня. Дувала подстрелили первым. Он пал, выгнув спину, из которой крестообразным росчерком торчали две стрелы. Защитников тану и танин не хватало против сорока шаутских головорезов. В безумном хаосе и суматохе Русса сорвал с петель дверь повозки и заорал:

— Госпожа, быстрее, берите дочь и полезайте на коня! — Он держал поводья лошади одного из павших солдат.

— Брат, дай мне меч, я могу сражаться! — заявила девочка, взметнувшись из рук прижимавшей ее матери.

— Помолчи, Бану! — одернул бастард сестру.

Эдана медлила.

— Госпожа, умоляю, бегом!

Тану, пригнувшись, встала, таща за руку дочь. Но стоило ей высунуть голову из повозки, как просвистевшая в воздухе стрела вонзилась в горло. Конь под бастардом нервно дернулся. Русса обернулся в сторону атаковавшего — кто-то из своих кинулся на него.

— Мама! — заверещала Бану. Но захлебывающаяся кровью Эдана уже сползла на землю.

— Эй! — раздался голос одного из неприятелей. — Да это не лазурные ни разу! Это пурпурные!

— Тебе какая разница, — ответил ему кто-то, и вновь раздался лягз и крик.

— Госпожа, — позвал Русса сидевшую в повозке жену дяди Тахбира, о которой не вспомнил прежде, — полезайте на эту лошадь, скорее!

Молодая женщина покачала головой:

— Увози ее, Русса. Если хоть немного любишь сестру, увози ее домой! — Она усадила девочку Руссе в седло.

— Но, госпожа?.. — От такого решения юноша растерялся.

— Ну же! — раздался голос. — Шевелись!

Воины тана Сабира в схватке с врагом нещадно таяли.

Молодая женщина твердой рукой вытащила из-за кожаного пояса клинок.

— Да что ж вы делаете, танин?! — вскричал Русса.

— Увози сестру, дурень! — крикнула женщина и вогнала кинжал себе в сердце.

— Тетя! — позвала Бану.

Русса моргнул так, точно ослеп на мгновение. Потом приказал:

— Стоять до последнего!

Развернул коня и, накрыв содрогавшуюся сестренку собственной спиной, погнал скакуна, прижимаясь к гриве. Ужас расправы над последними сражающимися оставался позади. Шестеро мечников из алых погнались за Яввузами. В миле к западу от тракта начинался лес Цукхато. «Только бы дотянуть! — думал Русса, мча по бездорожью. — Только бы дотянуть!»

Враги нагоняли стремительно. Щелкнул кнут, и Русса — хвала Праматери! — успел разжать объятия, вылетая из седла.

— Русса! — обернулась девочка в седле, натягивая поводья и останавливая гнедого.

— Бану, спасайся! — велел брат. Но девочка вытащила один из двух ножей у себя на поясе и без промаха метнула во врага, державшего кнут. Нож не долетел и половины расстояния, но враг отвлекся на движение. Руссе хватило этой драгоценной секунды, чтобы перехватить инициативу.

— Бансабира!!! — заорал он неистово. — Я велел тебе спасаться!

Бастард в первую очередь рубил лошадей — пеший воин вдвое слабее конного. Девочка в седле, видя, как брат отбивается от врагов, отстегнула от седла лук и выпустила несколько стрел. Лишь один из скакунов громадным телом повалился на землю.

— Держи девчонку!

— Сестра, умоляю, СКОРЕЕ! За этим лесом на один дневной переход будет крепость Ширак, это знаменосцы отца! Ну же, СКАЧИ!

— БРАТ!

— БАНУ, ЖИВО!!!

И Бану машинально сдавила пятками бока коня, все еще на полном скаку оглядываясь на Руссу и крича:

— БРАТ! БРА-А-АТ!

На всю жизнь Бансабира запомнила страшную картину, когда четверо головорезов окружили Руссу стеной. И его надрывное «СЕСТРА!» тоже запомнила — бастард понял, что два неприятеля, которых они не успели лишить коней, погнались за девочкой.

На полном скаку закинула Бансабира за спину лук и отстегнутый колчан с десятком стрел. Влетела в лес. По тропкам, по недавним проталинам Бану петляла, уходя от преследователей, дышавших в спину. Наконец оторвалась от них и притаилась, уложив коня под раскидистыми ветвями, в высокой траве. Дождавшись, пока злодеев и след простынет, Бансабира выбралась из укрытия и помчалась назад, на помощь брату. Она летела сквозь лес, и ветки хлестали по лицу, заставляя закрывать глаза. Конь, казалось, обезумел.

«Богиня, Богиня-Мать, миленькая, прошу, умоляю, Праматерь, пожалуйста, помоги Руссе! Умоляю!» — только эта неустанная мысль билась в голове семилетней Бансабиры Яввуз, пока ветер свистел в ушах.

Добравшись до места недавней стычки, Бану почувствовала, как упало сердце: враг оставил за собой сплошной разгром. Бану мгновенно спешила и, зовя брата, принялась выискивать Руссу среди убитых. Может, он все еще жив. Некоторые были убиты более человечно, другие — с какой-то чудовищной жестокостью, с раздробленными черепами, перерезанными лицами, обрубленными конечностями. Разобрать, кто где,

было невозможно. Не выдержав, Бану упала на колени, опорожнив желудок. В этот момент перепуганный и оставленный на собственное попечительство конь, заржав, пустился прочь.

— Стой! — прокричала Бану, зная, что толку не будет.

Утерла рот рукавом. Откопав среди трупов пару ножей с рукоятками из волчьей кости, двинулась дальше.

Только чудом и вмешательством самой Всеединой Матери можно было объяснить, как семилетний ребенок выжил в одиночку в течение четырех месяцев. Весь ужас скитания познала Бану в этот срок. Спала вполглаза, в обнимку с ножами. Семейный кинжал старалась прятать — слишком приметный, из-за такого легко можно было расстаться с жизнью. Лук и колчан с десятком стрел снимала только на ночь. Выучилась двигаться тише, чем мыши, которых частенько доводилось есть. Приближалась зима, и оттого, что она не смогла за лето отыскать тракт, который привел бы ее домой, Бансабира решила на время покинуть север, где наверняка еще аела свежей кровью война. Девочка давно потеряла счет дням, но когда стало неуклонно холодать, пошла по теплому следу остывающей осени, надеясь, что, возможно, если Праматерь позволит, ей удастся однажды прийти в Сиреневый дом тана Ниитаса, своего деда, и переждать зиму у него.

Бану отошала. Недостаток сил у нее нередко граничил с обмороком. Когда по дороге попадались леса, она могла от души наесться ранета и поздних ягод, так что отвыкший от mnogой еды живот потом долго крутило. Охотилась на рябчиков. Найденные на побоище два ножа вскоре пропали: один, по случайности, упал в кювет (Бану побоялась лезть за ним), другой, используя в реке как гарпун, девочка, промахнувшись и не рассчитав, по неосторожности ткнула в камень. Тонкое лезвие погнулось до такой степени, что проку от него больше не было.

Иногда бывало совсем трудно, и Бану ухитрялась держаться из последних сил, денно и ночью, как молитву, повторяя: «Я от крови волка, во мне волчья кровь» или: «Русса бы смог, Русса бы сумел, Русса бы справился, Русса бы нашел выход...» И, как всякая волчица, мало-помалу Бансабира выучилась владеть клыками.

Избегала людей на дорогах и в лесах. В самом начале она однажды добралась до какого-то небольшого поселения, одна-

ко никто здесь не мог сказать, куда держать путь до Ниитасов. Ее гнали отовсюду. Говорить же местным, кем является, Бансабира не торопилась: внутренний голос с сомнением подсказывал, что в огромном мире за пределами фамильного чертога это совсем не обязательно кому-то знать.

Пару раз девочка натыкалась на берегу какой-нибудь речки на смертельно раненного бойца или измученного схваткой зверя. Последнего, если мясо было еще не загнившим, пыталась есть. Бойцов — раненых и уже мертвых — не гнушаясь, осматривала и обыскивала. У кого-то находила воду или мех с терпким вином, у кого-то запасы дорожных сухарей или монеты. «К чему они мне? — думала девочка. Их ведь не съешь. Будешь идти — будут звенеть в кармане снятой с какого-то убитого мальчишки одежки». А ей быть бы тише воды ниже травы. Приди она даже с одной такой монеткой в город и попытайся что-то купить, все начнут трясти ее — где тощий семилетний ребенок достал деньги и оружие? Кто такая? Откуда? Зачем? А получив ответы, как знать — убьют или передадут Шаутам? Может, конечно, повезет, за выкуп отвезут отцу, но только Богиня-Мать знает наверняка...

Впрочем, большинство полумертвых или почивших путников, которых встречала Бансабира, были уже обобранны своими победителями.

Однажды на заре октября девочка наткнулась на такого же едва живого бродягу с побелевшими губами. Она полагала, что он уже мертв, когда осторожно склонилась над ним. Но молодой мужчина был еще жив.

— Научись дышать еще тише, — сказал он, с трудом разлепляя глаза.

Девочка отпрыгнула почти на метр, быстро схватившись за нож. Мужчина только усмехнулся. Бану не понимала его реакции и только сильнее сжимала рукоятку вспотевшей ладошкой.

— Я все равно умру, девочка. Так что буду признателен тебе, если поможешь, — закашлялся он ненадолго. — Я бы предложил тебе сердце — ты ведь помнишь, где сердце? — да доспех мешает. Вгони в шею слева, хорошо?

Бану ничего не говорила и не шевелилась.

— Только быстро. Не хочу мучиться дольше, чем уже промучился, — видя ее нерешительность, сердито прохрипел

воин. — Ну же, чего стоишь? Сделай дело, угодное Старухе Нандане! Или ты не веришь в Праматерь?

— Верю, — невольно сорвалось с языка.

— Ну, так и будь хорошей девочкой, — мягче сказал раненый. — У меня осталось два золотых в кармане. В благодарность заберешь их и мой клинок.

— Почему, — спросила девочка, — их не забрал тот, кто нанес вам эти раны?

— Потому что он ранил меня, а я его убил. Одна беда — оружие тот червь смазал ядом. Ну, так что, поможешь мне?

Бансабира приблизилась.

— Храни тебя Мать, — с улыбкой простился смертник.

Бану выполнила последнюю волю умирающего. Из артерии, стихая, била горячая алая кровь. Совсем как знамя Шаутов, подумала девочка и потянулась за наградой. Стоило ей прикоснуться к мечу поблагодарившего ее воина, клинок с шумом упал на траву. Слишком тяжел. Ладно, Бану знала это, едва взглянула на меч.

Стрелы почти кончились, меча было не поднять. Вздохнув, девочка поудобнее расположила фамильный кинжал, вцепившись ладошкой в рукоять.

Развернулась, пошла дальше.

На исходе октября девочка столкнулась с опасностью, преодолеть которую было выше ее маленьких семилетних сил.

Она достигла очередного городка и попыталась узнать, в какой стороне Сиреневый дом. Вместо ответа скользкий, как уж, обыватель приблизился, зарясь на инкрустированную рукоятку кинжала, торчащего за потертым поясом.

— И откуда это у такой оборванки, как ты, такой клинок, а? — Бану молчала. — Поди, украли у кого, девочка?

— Я не украли! — с горячностью выпятила «не».

— Ах, не украли! — протянул мужчина. — Тогда откуда он?

— Это не ваше дело! — огрызнулась девочка. Вокруг них начала собираться толпа.

— Да что ты? Ты на земле лавана Яхмада... ты ведь знаешь, кто такие лаваны?

Он что думает, Бану совсем дура?

— Конечно, знаю! Законоведы!

— Верно, лаваны хранят закон. А если ты украла эту вещь, то мы, как подданные нашего лавана, должны чтить закон — изъять кинжал и наказать тебя. Верно, друзья? — осклабился, облизнулся.

Несколько мужиков загоготали.

— Это мое оружие! — оттолкнула девочка приблизившуюся голову наглого гада. — Дай мне короткий меч и дерись, если не боишься!

Поднялся общий хохот.

— А ты дерзкая!

— А ты хам! — Зеленые глаза зло горели. — Дерись со мной или отпусти!

— Грязная девка! — Мужчина схватил ее за предплечье. — Дай сюда, дрянь!

— Держи! — Бансабира рванула из-за пояса кинжал и вогнула обидчику в руку. Взревев, тот свободной рукой со всей силы ударил девочку по лицу — раз, другой, третий... Носом пошла кровь, в глазах потемнело. Обессиленный, вымученный организм больше не желал бороться за эту никчемную жизнь.

— Сука! — Держась за руку, мужчина пнул Бану. Безвольное тело завозилось по земле, как мешок с тряпьем. — Сука! Су... — И упал навзничь со стрелой в горле.

— От девочки отойдите, — произнес чей-то спокойный голос со стальной хрипотцой. Мужики, лишённые веселья, возмущенно обернулись — дескать, кто это там такой смелый?

За зрителями на коне сидел молодой мужчина возрастом в четверть века. Его блестящие черные волосы до плеч оттеняли светлокочее лицо с глазами-льдинами. Густые брови стремительно разлетались от переносицы, как стрелы. Шерстяные штаны и короткий по здешнему обычаю кафтан — в блеклых пятнах дорожной пыли.

Аура исходившего от него ледяного спокойствия и силы внушала ужас. Манера, с которой незнакомец держался, напоминала гремучую змею, свернувшуюся восьмеркой перед броском и стрекочущую трещоткой. В серо-голубых глазах путника читалась какая-то уверенность в собственной богоизбранности. Наверное, он мог бы быть ангоратским жрецом из храма Богини Возмездия, но высокий светлый лоб был чист.

Путник нарочито медленно выгудил из колчана еще одну стрелу, наблюдая, как щерятся жители городка.

— Шевельнитесь, — сказал мужчина на коне. — Дайте повод.

Мужчина проехал к лежащей девочке, рассекая скопившийся люд конем, как носом лодки озерную гладь. Убрал лук со стрелой, которую даже не пришлось прилаживать на тетиву. Спешиваться не стал.

— Подай ее мне, — сказал ближайшему горожанину. Тот поколебался, но подчинился. Всадник одной рукой подхватил девочку и перекинул через седло. Развернул скакуна, сделал движение головой, чтобы надоедливые зеваки расступились вновь, и покинул переулочек.

Бансабира очнулась, лежа на шерстяном плаще на берегу какой-то речки в десяти верстах от покинутого города. Рядом разводил костер черноволосый незнакомец...

Девочка торопливо отползла от мужчины, сбивая ножками плащ. В глазах отражалась готовность бежать.

— А, очнулась, — взглянул он.

— Где мое оружие?

Незнакомец усмехнулся:

— А ты и впрямь дерзкая.

Девочка ничего не сказала.

— Твой кинжал и лук остались в том переулке.

Бансабира кивнула и вдруг, вспомнив происшедшее, схватилась ладошкой за нос. Мужчина с пониманием вздернул бровь:

— Кровь больше не идет. Я все вытер.

Бансабира молча отвела руку от лица и осмотрела ее. И впрямь чистая. Незнакомец хмыкнул.

— Вы кто? — опять зажала нос. Крови-то нет, а болит безбожно.

— Я? — переспросил мужчина. — У меня много имен, малышка. Ты можешь звать меня Гор.

Девочка промолчала. Мужчина поднялся у принявшегося костра, чувствуя, как в маленьком теле неподалеку вновь нарастает страх.

— Ну а ты, девочка? Как мне тебя звать?

— А вам зачем? — спросил ребенок, и Гор расхохотался, запрокинув голову.

— Не смейтесь надо мной! — Зеленые глазки сузились.

Гор, взглянув на это личико, зашелся пуще прежнего.

— Не смейтесь! — вскочила девочка на ножки. — Или дайте мне клинок, если не боитесь!

Все еще смеясь, Гор встал и вытащил из-за пояса кинжал.

— Держи, — протянул он ей, точно это была не смертоносная сталь, а тряпичная кукла. Девочка замешкалась, но под пристальным взглядом серых глаз выхватила оружие и заняла позицию, упираясь в землю крепкими для ее лет ногами.

— Ну? — спросил Гор, выпрямившись. — Чего ждешь?

— Вы не достали оружия.

— Я дам тебе фору, нападай.

Выбора не было. Разбежалась, замахнулась, почувствовала пальцы мужчины на запястье. Сориентировавшись, Бану поняла, что вплотную стоит спиной к Гору и вверенное ей острие направлено на ее собственное горло. Мужчина надавил сильнее, и кинжал выпал из дрожащей девичьей руки.

— Как же плохо ты держишь то, что так сильно просила, — усмехнулся Гор и отпустил девочку.

— Как? — спросила Бану, обернувшись и потирая ноющую кисть. Гор подобрал кинжал и засунул обратно за пояс.

— Хочешь тоже так научиться?

Бану кивнула не моргая.

— Зачем? — Гор посерьезнел.

Решимость Бансабиры дрогнула, она отвела глаза.

— Ну же, — убеждал он ее, нарочито выказывая легкое раздражение, — скажи мне, девочка, зачем ты хочешь научиться так?

Бану продолжала молчать. Гор вновь опустился на землю, чтобы хоть немного уравнять их высоту, и посмотрел девочке в лицо.

— Хочешь кому-то отомстить? — спросил сам, не дождав-шись ответа.

Услышав нужное слово, Бану откликнулась:

— Да.

— Кому?

— Ша... Шаутам.

— О, Альый дом. И кого они убили?

— Маму и брата.

— Ты видела как? — спросил Гор, отходя от девочки. Приблизился к седельной сумке, начал что-то искать.

— Угу.

— То-то ты так легко добила того парня на берегу Бенры... — Гор достал завернутое в льняную ткань вяленое мясо, вернулся к девочке и протянул ей. — На, поешь.

Бансабира не шелохнулась.

— Что вы сейчас сказали?

— Что ты довольно легко отняла жизнь у мальчика, который пообещал тебе пару золотых и свой меч.

— Откуда вы знаете?

— Ну, учитывая, что именно я нанес ему те ранения, мне было интересно, как долго он протянет. Я тогда столкнулся с неизвестной мне змеей. Она походила на ядовитую, решил проверить — чего стоит ее яд, если я оказался прав. — Гор развернул ткань и принялся за еду. Глаза девочки хищно сверкнули при виде мяса. Проследив ее взгляд, мужчина почти незаметно улыбнулся. — Не стесняйся.

Бану сглотнула слюну, но к еде не притронулась.

— Вы не могли нанести ему тех ран. Воин сказал, что убил противника.

Сосредоточенно жуя, Гор пожал плечами:

— Иногда нужно уметь умирать для тех, кто хочет видеть нас мертвыми, и воскресать для тех, кто хочет, чтобы мы жили.

— Зачем? — не поняла Бану.

— Так ты узнаешь цену людям. И заодно избавляешься от тех, кто тебе до смерти надоел или просто не несет никакой ценности.

Бансабира протянула руку и взяла кусочек мяса. Она видимо напряглась, однако предпочла сначала дожевать, а потом спрашивать — вдруг придется бежать.

— Зачем вы стали преследовать меня? Вы тоже из Шаутов?

— Нет, девочка. Я не ясовец. Но, признаться, мне показалась занятной твоя живучесть. И твоя скорость — до сих пор помню, как ты отпрыгнула от того мальчика! — Он откупорил мех с разбавленным вином, отпил.

— И с тех пор вы шли за мной?

— Верно, смышленная моя. Или ты думала, я каждый день спасаю незнакомых девочек в переулках?

— Мм, — отрицательно покачала головой. — Но вы так и не сказали мне, зачем так поступили.

— Обещай, что ответишь на мои вопросы, если я отвечу на твой?

— Обещаю. — Она взяла еще мяса.

— Я — наставник Храма Даг, или, как его еще называют, Багрового храма. Слыхала о таком?

Детская память изыскала обрывки фраз из прошлого, брошенных кому-то ее отцом. Девочка кивнула.

— Слышала. Но не помню что.

Гор улыбнулся:

— Как наставник, я подумал, что мог бы многому научить такую, как ты. Каждый Клинок Богини ищет себе ученика, который его превзойдет. Глядя на тебя, я решил, что ты бы пришла в Храме Даг к месту.

— И чему учат в вашем храме? Имейте в виду, писать и читать я уже умею.

«Слишком самоуверенна, чертовка», — подумал Гор, протягивая девочке мех. Она приняла питье.

— Убивать. Наказывать. Мстить.

Травянистого цвета глазенки вспыхнули. Победа была близка, Гор продолжил:

— У тебя хорошие задатки. Я мог бы сделать из тебя идеального воина. — «Убийцу», — сам себя поправил Гор мысленно. — Что скажешь?

Девочка задумалась, нахмурив лобик.

— Вы можете отвезти меня домой, если я попрошу? Вам хорошо заплатят.

Гор удивился, но виду не подал.

— Нет. У меня есть другие дела.

— Вам нужно найти в Ясе учеников?

Гор покачал головой:

— Нет. Ты встретила мне случайно, но, как всякий Клинок Богини, я знаю, что случайностей не бывает.

— Далеко до этого вашего Храма Даг?

— За месяц доберемся.

— Я смогу уйти из него, когда захочу?

Мужчина опять покачал головой:

— Только когда станешь Клинком Богини.

— Кем?

— Воином.

— Хорошо. — Девочка встала, вернув закупоренный мех. Маленькая, семилетняя, тощая, она смотрела на открывавшуюся им реку так, будто была по меньшей мере хозяйкой танаара. — Я поеду с вами, Гор.

Мужчина мысленно хохотал, глядя на этого высокомерного ребенка. А казалось бы, еще час назад была оборванка оборванкой. Да, она приживется в храме...

— Если прежде ответишь мне на вопрос. У нас ведь был уговор, помнишь.

Девочка, обернувшись, кивнула:

— Спрашивайте.

— Так откуда у тебя был тот роскошный кинжал из мирасийской стали?

— Я не украла! — прошипела она с новым огнем, «заяв стойку», как оцетинившаяся волчица.

— Я и не говорил, что ты украла, — смеясь, поднялся и Гор. — Я просто спросил, где ты его взяла.

Девочка справлялась с гневом, за который поглубже прятала страх.

— До-дома, — пробормотала она.

— Дома, говоришь... — Гор потянулся и пошел убирать остатки еды и питья обратно в сумку. — Да продав тот клинок, деревню купить можно. Что же у тебя за дом такой?

«Ему совсем не нужно это знать! — настойчиво проскандировал нравоучение внутренний голос. — Совсем не нужно! Не смей рта открывать!»

Гор расхохотался во все горло:

— Ты бы сейчас свое лицо видела, крошка! Видит Мать, до чего потешно!

— Не смейтесь надо мной, Гор!

— Ну, малышка, не тебе мне указывать. — Гор засыпал костер землей (зря разводил: здесь, на юге страны, осенью не холодно, да и спутница не выглядела продрогшей). — Так что на счет дома?

Девочка вскинула на спасителя ясные глаза:

— Тан Сабир Яввуз мой отец.

Гор подхватил ребенка на руки, усадил в седло, сел следом, подмечая, как уверенно девочка сидит и как по-свойски вцепилась в луку. Тронув коня, он наконец позволил глазам рас-

ширяться, а бровям поползти вверх. Эка же шутка Кривой Матери, танин Яввуз!..

Через два дня они пошли через лес. Коня Гор держал шагом. Бансабира услышала мужские голоса в чаще недалеко от тропинки.

— И не говори, та пурпурная шляха знатно визжала! — загоготал один. Бану прислушалась.

— А то! — заржал еще кто-то. — Наш Юбо всем жеребцам жеребец!

— Эй, недоноски! Вы опять обсуждаете ту рыжую суку с пятном на лице? Хватит уже, жрите быстрее, и выдвигаемся!

Бансабира ловко выпрыгнула из седла и побежала на голо-са.

— Яввуз! — негромко позвал ее Гор и развернул коня, осматриваясь. Нельзя же орать на весь лес — мало ли что тут. Бану исчезла в кустах. Не слышать даже.

— Вот дура, — в сердцах выругался Гор и спешился. Топот копыт неприятели тоже наверняка услышат, а кто знает, сколько их там?

Через какое-то время до него донесся тот же голос, кото-рый велел всем есть.

— Эй, девочка! Тебе чего?

— Ого, — сказал еще кто-то, — страшная-то какая.

Четверо сидящих мужчин загоготали.

— У меня есть золотой, — проговорила Бансабира, — можно я у вас за него еды возьму?

— С какой стати? — огрызнулся главный в отряде.

— А золотой давай, — протянул тот, что сидел к Бану ближе всех. Он обернулся вполоборота, протягивая руку.

— Вот, держите. — Бану, приближаясь, протянула монету.

— Стой где стоишь, паскуда! — приказал командир отряда.

— Но он же сказал отдать ему золотой, — невинно пропела девочка и вложила металлический диск в грубую ладонь. Мужчина обернулся к своим (к Бану спиной), растекаясь в улыбке:

— Вот же дура, видали?

— Юбо! — вскинулись трое, но поздно — Бансабира уже во-гнула ему нож промеж шейных позвонков. Вытащила и с чер-

ным смакованием всадила вновь. И еще, и еще. Зеленые глаза горели ненавистью.

— Тварь! — заорал лидер. — Держи малявку!

Мужчины повскакивали, кинулись на Бану. Вдруг блеснула сталь, и фонтаном вздыбилась горячая кровь убитого.

— А ты еще кто?!

Кто-то провернулся, чертыхнувшись на мешающий движению плащ, и прошелся острием по мягкому кожевному доспеху. Удара хватило, чтобы и этот встречный пал. Третьего спаситель обошел сзади, колющим вогнал меч врагу в печень.

— Рука Праматери, — ответил Гор и четким движением повернул на себя левую руку, которой мгновение назад держал неприятеля за голову. — Во имя Матери, ты что творишь? — сердито посмотрел на девочку Гор.

Бансабира молчала, тяжело дыша. По беленьким детским ладошкам, одна из которых сжимала рукоять кинжала, каплями катилась кровь. Гор окинул ее взглядом со знанием дела.

— О ком они говорили?

— Тетя Фахруса, двоюродная сестра отца. Она одна была рыжей из всех Яввузов. И у нее на лице, под левым глазом, красный след от ожога. В семье ее называли «Поцелованная огнем», — ответила Бану, не сводя немигающих глаз с собственных рук. Гор кивнул:

— Откуда у тебя нож?

Девочка наконец подняла глаза и уставилась на мужчину:

— У тебя.

«Рука Праматери» помолчал с полминуты, потом изрек:

— В следующий раз предупреди меня, я помогу.

— Угу.

Когда двое вернулись к подвязанному коню, Гор бросил Бану тряпку, чтобы вытерла руки, и посоветовал привыкать носить перчатки. Когда вновь оказались в седле и вышли на сквозную через заросли тропу, девочка выговорила:

— Бансабира.

Вскоре Гор вместе с Бану поднимался по сходням корабля.

— Ты ведь ясовка и танин к тому же, — проговорил мужчина. — Моря не боишься?

Бану помотала головой:

— Я была в море, дважды, с братом.

— Плавать умеешь?

— Плавать все умеют, — авторитетно заявила девочка. Гор хмыкнул.

За четыре дня до восьмилетия Бану прибыла в Храм Даг. Перед тем как сойти на берег, Гор вновь спросил ее:

— Ты точно согласна стать моей ученицей, Бансабира? Хорошенько подумай, потому что в Багровый храм могут войти только трое: Клинок Богини, гость и раб.

Бану оглянулась — да, самое время сказать такое, когда вокруг сплошь океан. Ладно, в любом случае Гор ведь предлагает ей стать его ученицей, а значит, со временем Клинком Богини, так что терять нечего. Ради науки убивать поганых Шаутов она бы за этим Гором посреди зимы и к медведю в берлогу залезла.

Девочка кивнула:

— Я буду гостьей.

На одном из Бледных островов, расположенных посреди Великого моря, между Ясом на севере и Ласбарном на юге, среди лесов и покатых пустынных холмов высилась песочного цвета крепость Багрового храма о пяти круглых башнях шестиметровой высоты. Когда путники приблизились к ее высоким стенам, один из стражей на воротах склонился и громко произнес:

— У кого из вас есть право голоса?

— У того, кто служит Матери Сумерек, — так же громко ответил Гор, вскинув голову и улыбаясь.

— Как ты служишь Ей?

— Воздевая сталь!

— От кого ты получил свою?

— От того, кто известен в этих стенах как Мастер Ёшли!

— Что ты возьмешь здесь?

— То, что отдам!

— Открыть ворота! — приказал страж.

Конь ввез всадников внутрь обособленного от всего мира городка.

Бану плохо запомнила обстановку за неприступными стенами. Обычный небольшой городок, показалось ей: военные склады, оружейни, пункты снабжения, как в комплексе главной крепости Пурпурного танаара. За ними обширный торго-

вый квартал и без числа маленьких глиняных домиков. Солдатни и гарнизонных в этом районе поменьше, чем у главных ворот. Где-то с южной стороны мелькали, вздымаясь по холму, узкими полосками пашни. Наверняка и скот где-нибудь держат, подумала девочка.

Остров был крутобок: Бану все время чувствовала, как конь под ними то поднимается в горку, то идет под нее. Горожане — все равно, одеты они были как воины, купцы или ремесленники — смотрели на Гора с восхищением. Вежливо кланялись и здоровались и в целом выглядели дружелюбно. Но были и другие: в рубищах и отрепьях, со страшной крестообразной отметиной на левой щеке.

В центре острова высилась обширная по площади ступенчатая пирамида из четырех ярусов с высокими потолками. В каждом из этажей в стенах были сделаны стреловидные окна. Округлые люки в потолочном перекрытии в боковых коридорах напоминали глаза: порой были открыты, и в храм озорливо заглядывало солнце, делая очевидным все вокруг; порой смеживались, и храм погружался в ночь, теряя все очертания.

Чем глубже внутри пирамиды находились комнаты, тем хуже становилось освещение. Только в центре верхнего этажа царствовало сияние — то солнечное, то лунное, то звездное: громадный каменный люк в крыше управлялся тяжелыми рычагами, которые тянули закованные в цепи рабы. Когда люк открывали по случаю тренировок или испытаний для обучавшихся, арена под ним — большая зала с расставленными по периметру на разных уровнях скамьями для зрителей — казалась святилищем.

«Багровый храм», — поняла девочка, когда Гор остановил коня у парадного входа с небольшой лестницей. Мужчина снял девочку с седла и пошел внутрь здания, молча требуя следовать за ним. И едва та перешагнула порог, оказавшись в полумраке древнего, возведенного из крупных блоков помещения, как в глазах померкло.

«Пристанище», — пронеслось в голове, и ноги подкосились. Когда Гор обернулся, девчонка уже лежала без чувств.

Гор вздохнул, закинул ребенка на плечо, как мешок, и пошел в кабинет одного из старейшин храма.

— Мастер Ишли, да будет милостива к вам Мать Сумерек, можно? — спросил он мужчину, прожившего по меньшей мере полвека, с поседевшими висками, потрепанными нервами и ясными ореховыми глазами. Половина правого уха отсутствовала, нос был сломан уже дважды. Окликнутый мужчина обернулся к Гору, поднялся и произнес:

— А, Тиглат, ты вернулся. Да будет Кровавая Мать Сумерек на твоей стороне, проходи. Все успешно?

— Все хорошо, я все сделал, — ответил Гор. Когда он проходил мимо Ишли, последний в очередной раз засмеялся:

— Слушай, это ты все еще растешь или я уже ссыхаюсь от старости? Прежде я доставал тебе почти до подбородка.

— Вы и сейчас достаете, — ответил Змей. — Мои не шалили?

— Нет, все смирно. Ими занимается Ирэн.

Гор, он же Тиглат, кивнул — хорошо.

— Новенький? — спросил Ишли, подбородком указав на ношу Гора.

— Да, подобрал в Ясе.

— Понятно. — Ишли обошел Гора, поглядывая на Бану с разных углов. — Экий тощий мальчонка. Талантлив?

— Живучая и шустрая.

— Девица? А по ней и не скажешь.

— Точно. Куда поселить?

— В третьем подземелье еще есть свободные комнаты.

— Пойду отнесу, — взглядом указал на Бану. — Придется о ней позаботиться, пока не встанет. До начала обучения она считается гостем.

Бану открыла глаза через пару дней. Вокруг было довольно темно. С непривычки девочка с трудом различала очертания предметов.

— Где я? — спросила она у сидящего рядом Гора.

— Это твоя комната. Раз уж ты проснулась, поешь.

Комната напомнила Бансабуре фамильный склеп Яввузов — мрачно, без света, немного сыро. Одна разница — залы в танском склепе огромны, а в ее комнатке едва можно развернуться. Кроме кровати здесь была тумба и два стула. Хотя второй явно был лишним.

Гор принес еды. В следующие семь дней он выхаживал Бану. Примерно тогда девочка поняла, что не за горами зимнее солнцестояние, а значит, ей уже восемь. За это время ни разу Гор не позволил девочке выйти из комнаты дальше, чем по нужде, и ни одного человека она не видела, кроме него.

«Да и слава богам», — думал ребенок. Кого ей еще надо, если наставник оказался не только прекрасным воином, но и заботливым опекуном? И к тому же есть кров над головой, какая-никакая одежда на тумбе и, главное, тушенная утка — в животике...

На восьмой день ее пребывания все изменилось.

Вместо любезного приветствия Гор, ворвавшись в комнату, проговорил:

— Да будет милостива к тебе Мать Сумерек! — с грохотом швырнул к подножию кровати железо. — Вставай!

Девочка сладко потянулась.

— Го-о-ор, — зевнула она.

— Я сказал встать! — рывком скинул он ее с кровати своей огромной лапой. Перепуганный ребенок вскинул глаза. — Бери! — велел. — Пошли.

Девочка, собравшись, встала на ноги, насупилась и уставилась на мужчину.

— Нет.

Гор, уже успевший отвернуться к двери, даже дар речи потерял. Он обернулся через плечо, молча спрашивая взглядом и отвисшей челюстью: «Что?»

Бансабира сглотнула ком ужаса.

— Не пойду, пока не скажешь, куда и зачем, — заявила она, стараясь выглядеть куда смелее, чем была.

Гор мысленно хмыкнул: неужели уважительное обращение на «вы» кончилось так быстро? Танская дочка — привыкла приказывать!

Спесь придется сбивать, порешил Гор. Подошел к девочке, навис над ней тенью судьбы, оценивающе ощупал девчонку взглядом. Потом сам наклонился за оружием, впихнул в руки Бану и за шиворот потащил к выходу.

— Это был последний раз, когда вместо исполнения приказа ты задала вопрос. Запомни.

Бану попыталась вывернуться — и тут же отхватила такой тяжелый подзатыльник, что зазвенело в голове.

Гор коротко скосил на ребенка взгляд: кажется, в растерянности. Оно и к лучшему, меньше будет болтать. Бансабира и впрямь притихла и, поскольку Гор прибавил шагу, тоже ускорила, хотя нет-нет да немного ее вело.

— Куда мы идем, Гор? — спросила девочка, когда в тягостном молчании они миновали первый коридор.

Мужчина резко затормозил, выдохнул, обернулся:

— Неужели такая дура? Я говорю идти — ты идешь, а не спрашиваешь. — И, контролируя силу, с размаха ударил девочку по лицу. — Теперь стало яснее?

У Бану краснела щека и дрожали губы. Она растерянно глядела себе под ноги.

— Теперь стало яснее? — с нажимом повторил Гор.

Бану кивнула. Первый и последний раз ей пришлось объяснять дважды.

Они выбрались с третьего уровня подземелий и стали продвигаться по боковым коридорам и лестницам основного четырехступенчатого пирамидального здания. Чем выше они оказывались, тем громче становились доносившиеся отовсюду лязг и брань и тем тише были затяжные стоны.

Потеряв счет пролетам, так что ослабшие за дни беспомысленности ноги успели зануть, девочка наконец осознала, что Гор привел ее в какое-то небольшое помещение со слабым освещением одного маленького круглого окна под потолком. Схватил грубо за светлую косу до лопаток и бросил в середину комнаты. Встав напротив, достал кинжал:

— Начнем с азов...

Через полчаса Бану едва держалась на ногах. Гор стоял напротив и улыбался:

— Чего дрожишь как осиновый лист? Ты сюда не за этим пришла! А еще говорила, что делала успехи, бестолочь...

— Я не бесто...

Подлетел и вновь ударил так, что девочка упала на пол:

— Я не задавал вопроса и не спрашивал твоего мнения.

— Мастер Тиглат, — в комнату вбежал долговязый темно-волосый юноша, — в кузне готово все, просили передать.

— Спасибо, Астароше.

Гор грубо схватил Бансабиру за руку и потащил за собой через длиннющие коридоры. Через какое-то время наставник завел ее в пристройку к зданию — кузницу. Здешние громадные мужчины кивнули в сторону двери. Гор вновь поймал Бану за шиворот, проволока и, захлопнув тяжелую старую дверь, бросил на пол небольшой коморки с камином. Из пляшущего огня торчал железный прут толщиной в палец.

— Раздевайся, — велел Гор.

Бану только судорожнее вцепилась в собственную сорочку. Гор взбеленился в своей бесстрастной манере — подошел вплотную и одним уверенным рывком разодрал рубаху. Дернул, пытаясь оголить левую руку ребенка.

— Живее выпутывайся! — прогремел он.

Почти голая девочка не заметила, как начала плакать. Схватив лежавшее поверх камина тряпье, Гор намотал его на руку и вынул железо из огня.

— Иди сюда!

Девочка отбежала в сторону.

— Я велел подойти, а не отойти, мелкая дура!

Гор настиг Бану в два громадных шага, схватил за правую руку, завалил на пол, придавил коленом и выжиг клеймо на левом плече.

Девочка завизжала. В глазах опять потемнело, вопль стих...

ГЛАВА 2

Через две недели чудовищный волдырь сошел. На руке восьмилетней Бансабиры красовался уродливый шрам, напоминавший вздернутую острием вверх саблю. А в левом ухе — бронзовая серьга, на которой мелкими буквами выгравировано «Тиглат»...

Девочка быстро узнала мир Багрового храма, и совсем скоро и без того привыкшие к мечу и поводам ручки покрылись новыми мозолями. Она драила помещения, таскала воду, собирала и готовила еду, лазала по деревьям за фруктами, прислуживала Гору, жрецам, Мастерам-наставникам, помогала в работе рабам и упражнялась по восемь часов в сутки, пока суставы и мышцы не начинали отказывать. Училась растягиваться, разрабатывала гибкость. На сон ученикам до третьего года

включительно отводили шесть часов солнечного зенита, так что свет Праматери доводилось видеть только на занятиях по языкам, географии, истории. Правда, у первогодок всего такого еще не было... Зато были тренировки в воинском мастерстве, которые Гор, как, видимо, и другие наставники, начинал в полночь.

Тренировки казались Бансабуре бесконечными.

Почти сразу Бану оценила пошитую для нее тренировочную форму — черные штаны в обтяжку и укороченная туника до бедер с горловиной были сделаны из удивительно мягкой ткани, не стеснявшей движений. Первый раз Бану растерялась: от чего вообще может спасти в бою такая одежда — рукава короткие, ткань мягкая, даже область живота не защищена какой-нибудь кожаной вставкой. Ладно вставкой — Бану даже пуговицы ни одной не нашла! С такой тряпицей Гор быстро отправит ее на тот свет, поняла девчонка. Но выбирать с тех пор, как ступила в Храм Даг, Бансабуре было не из чего.

К форме прилагалась вторая рубашка — с длинными узкими рукавами, а также широкие и узкие пояса с ножнами, доспех-безрукавка из кожи тончайшей выделки. Обе пары сапожек — одни почти до колена, другие до щиколоток — тоже отличались предельным удобством. «Твое тело не должно обременять тебя, когда ты сражаешься», — проговорил Гор однажды и был прав.

В первые же недели Бану познакомилась с другими учениками Гора. Мальчики отнеслись к ней враждебно. Бану не отставала...

Видеть учеников других Мастеров и самих наставников разрешалось только со второго года, когда новички, сдав первый экзамен, допускались к ежедневной вечерней молитве в честь Матери Сумерек и совместным тренировкам. Тогда же началось изучение культа Шиады и двух языков, на которых когда-то давно сложился этот культ. По три дня в неделю требовалось говорить либо на древнем ангоратском наречии, либо на ласбарнском диалекте, оставшемся в памяти людей с тех времен, когда Ласбарн еще был империей. И только по четвергам разговоры велись на общем языке Этана. Тогда Бансабуре впервые показалось, что она может лишиться рассудка; мысли отрезать себе язык начали нет-нет да и закрадываться в ее девятилетнюю голову...

В ее девять Гор, который, как выяснилось, именовался также как Тиглат и Хртах, впервые отвел Бансабиру в залу наград, расположенную на четвертом этаже основного здания храма и имевшую анфиладное сообщение еще с несколькими комнатами. Здесь, у дальней стены, была установлена деревянная доска, завешанная неисчислимым множеством пергаментов, на каждом из которых значилось по три строчки и под каждым из которых к доске был прикреплен бронзовый знак с витиеватым таинственным узором. Присмотревшись, Бансабира насчитала с десятков многократно повторенных рисунков. На другой день Гор заявил, что она должна научиться рисовать их сама.

В тот день после службы Матери Сумерек по дороге обратно в жилищные подземелья Бансабира разговорилась с Астароше, тем самым юношей, когда-то принесшим весть, что для ее клеймения все готово. В этом году Астароше — долговязый, сухощавый и жилистый, как саксаул, шатен с черными глазами — окончил семилетнее обучение. Они с Бану быстро подружились, когда Гор допустил девочку до ежевечерних молитв. Женщин в Багровом храме было меньше, они бросались в глаза. Астароше проявил интерес первым. И когда девочка спросила старшего товарища о причинах его любопытства, Астароше ответил:

— Никогда бы не подумал, что Тиглат Тяжелый Меч может взять на воспитание девочку. — Парень повел плечом.

— Почему? — тихонько спросила Бансабира.

— Ты уже была в ранговой комнате?

— Где?

— В зале наград.

— А, ага, была.

— Видела знаки?

— Угу.

— А надписи читала?

— Нет.

— Так вот почитай. В этом зале над соответствующими символами написаны имена тех, кто достиг вершин боевого мастерства и удостоился места в первой десятке.

— В первой десятке?

— Бану, спроси Гора, он расскажет подробнее.

— Расскажи ты.

Юноша кивнул:

— Ладно. Всего среди Клинков Богини существует сорок восемь рангов. Требования для получения каждого вполне четкие — определенные боевые навыки и умения. В каждом пятилетнем поколении эти ранги присваиваются отдельно, поэтому в храме одновременно может быть пять восьмых номеров или, скажем, десять шестнадцатых. Чем ближе Клинок Матери Сумерек подбирается к первой строчке, тем больший отрыв разделяет его и ближайший меньший номер.

Бансабира слушала жадно, мотая на ус.

— Продвинуться в пределах номеров с сорок восьмого до тридцатого в конечном счете нетрудно. Продвигаться в третьей и второй десятках сложнее. Оказаться в первой, — глаза парня засветились огнем, — значит стать во всеуслышание признанным мастером клинка. Попасть в первую пятерку невозможно после семи лет обучения, номера выше шестого присваиваются зачастую спустя много лет после окончания курса и, как правило, не чаще чем раз в несколько поколений. Получить хотя бы пятый номер означает сделаться больше, чем человеком, сделаться истинным Клинком Шиады, Рукой Праматери.

— А какой у тебя ранг?

— После семи лет обучения мне присудили семнадцатый, — сообщил он с гордостью. Видимо, это было хорошо. Девочка кивнула в знак понимания.

— Ну а что из тобой рассказанного объясняет, почему Гор не должен учить девочек?

Они свернули с лестничного пролета в коридор первого подземелья.

— На сегодняшний день в Багровом храме пять первых номеров: Мастер Фатайр, получивший свой ранг уже за сорок, Мастер Салазар из сто первого поколения, его ученица Ирэн Безликая (говорят, она получила первый ранг через восемь лет после окончания), престарелый Мастер Вахзи из девяносто восьмого, уже без одной ноги, и Тиглат Тяжелый Меч, или, как его называешь ты, Гор. Как бы тебе объяснить, Бану, Тиглат превзошел их всех, несмотря на одинаковое место — он получил первый ранг день в день с окончанием обучения, в семнадцать лет.

— В восемнадцать?! — Девочка вытянулась в лице.

— ...Что делает его, по сути, богоизбранным борцом даже в наших рядах, — закончил Астароше. Юноша довел Бану до комнаты. — Поэтому его решение учить девочку — все-таки, согласишься, в общем вы слабее нас — было неожиданным. Так что старайся лучше, Бану, — улыбнулся он на прощанье и, обняв, поцеловал ее волосы.

С того часа, ненавидя Гора всем сердцем, Бану начала упражняться до кровавой рвоты.

К десяти годам на теле Бансабиры было одиннадцать шрамов от швов — тренировки не проходили бесследно. Каждое из нанесенных им ранений Гор зашил сам...

К этому времени она выучила поименно всех мастеров — наставников Храма Даг — и всех учеников своего и соседних поколений. Тогда же, в десять, когда ангоратский и ласбарнский уже перестали быть столь пугающими, начала учиться маскировке, слезке, лицедейству. Узнала обо всех правящих семьях в странах, поклоняющихся Праматери, их обычаи, нравы, моду. Теперь не то что спать, казалось, даже есть было некогда.

В одиннадцать впервые по приказу Гора в числе отряда вышла патрулировать город. С тех пор ночное патрулирование сделалось ее самой регулярной обязанностью. Во время патруля она впервые услышала душераздирающие женские крики о помощи.

«Насилуют», — поняла девочка. Прежде она только слышала об этом, не до конца понимая, а теперь и вопросов не возникало. С нарушителем спокойствия разговор был короток.

Весной того года Гор позволил ей выходить на улицу днем, по разным делам и поручениям. Таковых было много особенно в торговом квартале. «Время и золото требуют опытных рук, — неустанно твердил ей наставник. — Учись!» И она училась. Быстро находила общий язык с горожанами. Слишком мелкая для третьегодки девочка вызывала у женщин и интерес у мужчин. Вопреки ожиданиям, выйдя в городок Храма Даг, Бану обнаружила там радушие. Правда, оно не спасало: за каждый просчет, неудачу или ошибку все одно ожидало суровое взыскание от наставника. Гор, как показало время, из себя выходил легко.

В мае того года Бану предстоял второй тяжелый экзамен. Начиная с этого испытания, сказал ей Гор, в качестве зрителей

допускаются все желающие горожане. Бану кивнула — ей какое дело? Третьегодков в тот раз было восемь человек, и они состязались между собой в разных парах с копьём, короткими мечами, двуручным, кинжалами, саблями. В финале каждому испытуемому предстояло сражение с Клинком Богини из второй десятки. Ее противником на огромной круглой арене — сегодня девочка первый раз оказалась в этом месте — стал Астароше.

— Да направит наши умы и руки Кровавая Мать Сумерек! — проговорили одновременно Бану и Астароше... Спустила четверть часа юноша, улыбаясь, поднял ее с лопаток.

Девочке бесспорно присудили двадцать шестой ранг. В одиннадцать-то лет?!

После того успеха, когда раны зажили, Гор заявил, что настало время отучаться бояться стихии. Погрузил девочку в лодку, вышел в море, держась береговой линии. С присуждением ей двадцать шестого ранга Гор стал как будто мягче и добрее.

Сидя в лодке и наблюдая за наставником, Бану не задавала вопросов. Они наловили немного рыбы, молча посмотрели на закат. Наступила ночь, стало холодно. Гор принялся рассказывать о созвездиях. Потом неожиданно попросил достать воды из сумки, что у Бану за спиной. Девочка потянулась, а мужчина, несильно ударив веслом, вышиб ее из лодки. Вернулся на остров без ученицы. Бансабира, дрожащая от холода и голода, приплелась в Храм Даг только утром...

Гор продолжил тренировки как ни в чем не бывало, теперь чередуя два дня занятий в подземельях с одним днем на солнце. На той же неделе увел девочку на конюшни, вывел одного коня на пустырь в северной части острова, оседлал его и пустил по кругу, оставив Бансабиру с луком в руках.

— Будь готова! — прокричал ей всадник, продолжая кружить. Бану приладила стрелу.

Гор взметнул яблоко. Звон тетивы — и пронзенный фрукт рухнул на землю, разбившись.

Девочка усмехнулась. Гор подкинул еще шесть яблок подряд. Бану прострелила все.

— Неплохо. — Гор слез с коня.

— Ничего удивительного, — ответила девочка. В темноте-то она уже три года училась делать нечто подобное.

Настало время научиться владеть луком, мечом и подходящим по размерам, но все равно тяжелым копьём наперевес, сидя верхом. Это был новый этап обучения. Бану не протестовала. А когда становилось совсем невыносимо, когда все тело сводило от судорог, она терпеливо разминала мышцы и все равно поднималась. Оттачивая мастерство, как заклинание вдальблывала самой себе то на всеобщем, то на ангоратском, то на ласбарнском:

— За маму, — выпад, — за папу, — подсечка, — за Руссу, — замах, — за смерть всех Шаутов, — удар ногой с разворота, — за Руссу, — удар коленом и локтем, — Русса бы смог, — захват, — Русса бы нашел силы, — бросок...

Вместе с тем, какой бы Гор ни был сволочью, после первых трех лет жить Бансабире стало пусть немного, но легче. Более того, благодаря патрулю и другим групповым заданиям у нее появились друзья — стройный красавец Астароше, невысокая огненноволосая Аннамара с васильковыми глазами, невысокий и неприметный сероглазый Рамир и ближе других — Шавна, ученица Ирэн Безликой. В ней было по меньшей мере пять футов и семь дюймов роста; блестящие черные волосы до плеч, всегда собранные в хвост, и миндалевидные аметистовые глаза над выдающимися широкими скулами выдавали ласбарнские корни Шавны. С Бансабирой их разделяло четыре года, и разница чувствовалась сильно — по телосложению, привычкам, предпочтениям, даже в манере надевать, казалось бы, одинаково пошитую форму. Аннамаре тогда было уже семнадцать, а Астароше почти девятнадцать, и много выпало совместных заданий на их отряд, возглавляемый Рамиром, одним из учеников Мастера Фатаира. Он почти год был неизменным лидером группы и девятым номером сто шестого поколения.

В это время Сурха, ученик Гора, умер от ран, которые нанес ему разгневанный до белого каления наставник.

Когда Бансабире исполнилось двенадцать, характер ее обучения переменился. Теперь в числе того или иного отряда, лидером которого всегда безусловно считался тот, чей номер был наименьшим, она стала не только патрулировать улицы

города в ночное время, но и гоняться за пиратами. Каждые два месяца выходила в море карательная бирема или дромон, отгонявший от берегов храма пиратов и привозивший рабов из их числа. В двенадцать с половиной впервые углубилась на восток, за Бледные острова. За три месяца до тринадцати Гор взял ее в путешествие по Ласбарну.

Так первый раз в жизни Бану оказалась в пустыне. Впервые вскарабкалась на верблюда, впервые замотала лицо от угрожающего знойного ветра, впервые ела соленых сырых и едва поджаренных змей, впервые увидела каракуртовое гнездо и песчаную бурю, впервые с тех времен, когда скиталась по Ясу, умирала от жажды. Впервые почувствовала, как впиваются в тело ядовитые клыки гадюк...

Гор не дал ей умереть и тогда.

По возвращении домой девочка прошла еще один экзамен-испытание в паре с Габи, уже три года как отучившейся ученицей Мастера Ишли, имевшей восемнадцатый ранг. Бансабире присудили шестнадцатый.

В тот день очередного успеха в жизни Бансабиры случилось две вещи. Во-первых, о ней стали говорить, что она идет вперед семимильными шагами и что она наверняка дочь самой Богини Возмездия. А во-вторых, Бану поняла — она умирает. Девочка давно знала, что ничем хорошим не кончатся эти бесконечные тренировки, побои, каторжная работа, голод и недосып. Ничем хорошим не кончатся! И оказалась права — у нее открылось кровотечение в самом неожиданном месте! «Дрянное дело!» — думала девочка. Скажи она, что настолько расклеилась, Гору — наставник опять посмеется (он всегда деловито усмехался, когда Бану корчилась от боли) и отвесит тумачков. Но делать-то что-то надо!

Девочка, едва выдалась свободная минута, побежала к Шавне. Зашла в комнату — в отличие от самой Бану и всех тех, кто еще проходил основной, пятилетний курс обучения, Шавна жила в немного более светлом и просторном помещении, расположенном на первом этаже основного здания храма. Шестнадцатилетняя брюнетка доучивалась уже седьмой год и усиленно тогда готовилась к решающему состязанию. При виде Бансабиры ее светлокотее, обычно бесстрастное лицо всегда прояснялось, а в аметистовых глазах появлялась теплота.

— Привет, родная, — встретила Шавна подругу. — Что стряслось?

Паника, охватившая Бану, не укрылась от девушки.

— Шавна, — задыхаясь от сдерживаемых слез, обратилась Бану, — Шавна, миленькая... я умираю!

Шавна нахмурилась.

— Умираешь? Что ты такое говоришь, Бану? В чем дело?

Бансабира молчала, подавляя всхлипы.

— Это Гор опять разошелся? Бану, объясни толком.

— У... у меня кровь...

Бансабира объяснила симптомы в двух словах. Шавна расхохоталась. Отпустила руки Бану, подошла к сундучку в своей комнате, достала тонкую светлую ткань-сетку из льна.

— На, держи, будешь пользоваться этим.

Бансабира недоуменно уставилась на подругу, принимая дар.

— Как, Шавна?

Как эта чертова тряпка поможет ей спастись от кровотечения?! В таком месте жгутом ничего не перетянешь!

— Бану, успокойся, — примирительно сказала Шавна, все еще хихикая. — Будешь мучиться с этим теперь каждый месяц. Но иначе никак.

Бану спрашивала что-то еще, долго, настойчиво. Шавна ее научила.

В октябре того года Гор вновь отправил Бану в Ласбарн для заключения сделки с работниками.

— И помни, время и золото требуют опытных рук, — напутствовал Гор. — Так что постарайся.

Девочка кивнула и пошла по сходям.

В их отряде было четыре человека, командиром для подобных кампаний всегда назначался воин из первой десятки. На этот раз это был двадцатилетний Шухран, номер девятый, последний ученик Мастера Салазара. Следом шла Бансабира с ее шестнадцатым местом и еще двое юношей рангом ниже двадцатого. Отряд выглядел, мягко говоря, странно, но дело свое сделал — привез в Багровый храм и деньги, и рабов. Как бы все эти купчие в Ласбарне ни пытались подтрунивать над двенадцатилетней девочкой. Один был даже настолько смел, что потянул к ней свои смуглые руки. Девочка оказалась быстра и мгновение спустя стояла за его спиной, прижимая к

шее хама, под самым ухом, сверкающее лезвие. Где был нож еще секундой раньше, никто не знал.

Шухран хмыкнул, глядя на этих двух. Бансабира действует красиво. Он бы даже сказал, изящно...

Лидер отряда поведал об увиденном старейшинам храма — мастерам с номерами в первой тройке.

— Ну что ж, Гор, — сказал Ишли. — Если ты не изуродуешь ее своей наукой, то когда-нибудь девочка обставит и тебя.

— Сомневаюсь, — сухо ответил Гор.

Через две недели Шавна закончила свой седьмой год и по прошествии кровавого состязания получила девятнадцатый ранг. Ее наставница, Ирэн Безлика, явно гордилась:

— Пойдешь по моим стопам, девочка. Я точно так же после семи лет приземлилась на девятнадцатое место.

Бану с равнодушного разрешения Гора выходила Шавну после ранений — в соперники ей на этот экзамен Ирэн Безлика выбрала Манта Милосердного, шестой номер из сто четвертого поколения, который прославился тем, что перед убийством пережимал жертве сонную артерию. Это на несколько мгновений погружало в беспамятство, и когда смертнику перерезали горло, боль, как правило, была не такой обжигающей.

Когда Шавна Трехрукая поправилась, началась зима. С ее первыми числами Бану исполнилось тринадцать.

Все время до зимнего солнцестояния Бансабира посвятила улучшению найденной ею техники убийства.

Гор с темным, почти демоническим удовольствием наблюдал, с каким самозабвением юная девушка упражняется днем и ночью, отрабатывая удары; с каким остервенением загоняет коня; с какой яростью и ненавистью в глазах тренируется в паре с кем-то из друзей (чаще всего с Шавной или Астароше) и с какой заботой потом зашивает их раны, а они — ее. Наблюдал, как Бану крепла, росла, оформлялась; насколько прямо и решительна становилась в действиях и словах. С тщательно скрываемой гордостью Тиглат Тяжелый Меч подмечал, что день ото дня Бану делалась все гибче и гибче, быстрее и быстрее. Крупное, уверенное сложение северянки тайным образом не препятствовало ни скорости, ни ловкости.

В зимний Нэлейм, декабрьское солнцестояние, Бансабира выдержала предпоследний перед окончанием пятилетнего курса обучения экзамен. Первая его часть прошла ночью на улице, верхом, с коротким мечом. Потом было конное состязание с луком. Задача проста — подстрелить двенадцать голубей из двенадцати... Потом — главный зал испытаний, расположенный в самой верхней части храма-пирамиды, и еще три поединка: с копьём, двуручным мечом и вольный — с произвольным выбором оружия. Последнего Бану ждала особенно...

С небрежной грацией, которая не могла обмануть проницательных Клинков Богини, девушка летала вокруг своего противника, обладавшего двенадцатым рангом. Тогда Гор впервые увидел, *кого* именно он воспитал.

Бансабира наслаждалась. Быстро поняв свое превосходство над соперником, она теперь смаковала каждый выпад, удар, толчок. Полагаться на одни ножи смысла не имело: Бану давно поняла, что нож — в буквальном смысле дело последнее, и потому на начало вооружилась двумя короткими мечами. Она выработала эту технику тогда, в Ласбарне: изучать и оценивать противника на мечах, прикинув сильные и слабые стороны, создавать условия победы, потом подбираться ближе — и, если ситуация позволяет, самое главное оставлять ножу.

Ножи подходили идеально для последнего удара по одной причине: испытать упоение опасностью, оказаться на самом острие гибели и выжить — Бансабира могла позволить себе только так. Сходиться на ножах с самого начала — значит умереть глупой смертью. Но и отказаться от них девушка не могла с тех пор, как осознала собственную ловкость. И если ты хочешь быть еще быстрее и еще ловчее — клинок нужен мелкий. Нет такого мастерства, которое позволило бы орудовать мечом с той же скоростью и сноровкой, что и ножом. К тому же, проворно управляясь с мечом, можно хотя бы изредка зацепить двух противников, а с ножом — что ни делай, с одного удара одного и ранишь. Потому от скорости и точности этого одного зависит все.

После победы девушке присудили одиннадцатый ранг. Астароше, который в ту пору был уже седьмым, искренне поздравил Бану, закружил в воздухе, а остановившись, изрек:

— Это было невероятно, честное слово! Так легко, так изящно!

— Ага! — поддержал еще один из учеников. — Воистину Бансабира Изящная!

Прозвище закрепилось.

Весной в Храм Даг пришел запрос с Яшмового острова, одного из Бледных островов. У них разыгрался серьезный конфликт с Перламутровым, и пока эти новости не достигли великодержавного Яса, сюзерена архипелага, вмешательства и помощи просили в Багровом храме. Нет, не справедливость им нужна, уточнили посланцы, а просто победа.

Эту кампанию возглавил сам легендарный Тиглат Тяжелый Меч. Он взял с собой пятнадцать человек — общим счетом четыре отряда. Бансабаре впервые доверили командование одной из групп.

В ходе миссии Бану уже в третий раз в жизни укусила змея, на сей раз морская. Девушка выжила и быстро восстановилась. Во время первой высадки на Перламутровом острове из шестнадцати человек погибло четверо, во время второй — еще трое. Оба раза отряды угодили в засаду. Во второй Гору и его людям удалось отбиться и захватить в плен нападавших из числа командиров. Вернувшись на оснащенные десятками рабов галеры, Тиглат одного бросил в трюм, другого, быстро прикинув обстановку, потащил к каюте ученицы. Ввалился в комнатку и толкнул пленного на пол.

— Он знает планы Перламутровых! Добудь! Мне не до того.

Хлопнув дверью, он вылетел на палубу. Надвигалась буря, надо было готовиться.

Напрасно обрадовался своей удаче плененный островитянин, когда увидел перед собой тринадцатилетнего подростка. Еще и девушку. Превозмогая отвращение к себе, Бансабира выпытала все, что нужно. В следующей сходке на берег не погиб никто.

Всех мужчин семьи наместника безжалостно вырезали. Перламутровые резко присмирели. Конфликт был «улажен». На корабле, без спроса зайдя в каюту наставника, Бансабира выплюнула на голову того тысячи проклятий, поклявшись,

что больше никогда — никогда! — не станет пытать людей. Гор только ухмыльнулся — надо же, как дрожат ее руки.

Перед тем как вернуться в Багровый храм, Гор, оставив при себе только Бансабиру, высадился в Гавани Теней — столице Яса. Что за дела привели его сюда — Бану не знала. Гор что-то коротко объяснил в двух фразах, Бансабира не слушала — все равно. Наставник держался отчасти бесстрастно, отчасти насмешливо, как всегда, но исподтишка постоянно наблюдал за ученицей. Девушка совсем не походила на его обычную Бану — вздрагивала на каждый шорох, судорожно цеплялась за поводья, старалась не подавать виду.

Вскоре путники выехали за пределы столицы и двинулись по тракту на северо-запад. Всего в десяти лигах начинался лес. Гор спешился, Бансабира последовала примеру, не задавая вопросов. Она вообще была как-то подозрительно молчалива с тех пор, как высадилась на родине.

На одном из биваков, пока Бану свежевала зайца, а Гор спутывал коней, внимание привлек шелест из леса. Они обернулись. Гор приложил палец к губам и тихонечко обнажил меч. Огляделся. И вдруг раздался старческий голос:

— Не трудись, путник. Ты слишком умел, и я тебе не противник.

На дороге точно из воздуха соткался конь, а на нем и всадник. Безобидный на вид старик, седобородый, с посохом, в темных запылившихся одеждах глубокого синего оттенка.

— О, да тут дитя, — добродушно пропел старец, спешиваясь неожиданно ловко. От него исходил тончайший запах волшебства — каких-то трав, смолы, чего-то чудесного. Бансабира невольно оторвалась от кролика и залюбовалась незнакомцем, точно он был принцем. Но — он был всего лишь стариком.

Путник почесал усы и щеки, и Гор тихо охнул.

— Ваши знаки... — Он отступил на шаг, преклонил колено. Бансабира впервые видела наставника в таком благоговении. — Благословите, Всемудрый.

Старец приблизился.

— Да пребудет с тобой Всеединая Праматерь богов и людей. Пусть Тинар озарит дорогу, Иллана принесет благоденствие, Нандана утешит, а Шиада даст сил. Пусть!

— Гор? — осторожно позвала Бансабира.